

Сергей
ЗВЕРЕВ

ЖИГАН

ПРОТИВ
ТЕРРОРИСТОВ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Жиган

Сергей Зверев

Жиган против террористов

«Научная книга»

Зверев С. И.

Жиган против террористов / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Жиган)

Предотвратить взрыв – это все, что нужно сейчас Жигану. Он знает: бандиты готовят очень крутое `мочилово`. Причем ментам на это вроде бы наплевать. Похоже, они хотят загрести жар руками Жигана, а потом взять его тепленьким. Но сейчас для Жигана это мелочи, главное – отыскать и обезвредить бомбу, все остальное потом. Времени все меньше, а часовой механизм монотонно отсчитывает секунды...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Зверев

Жиган против террористов

Глава 1

Сигнал телефона поднял Константина еще до рассвета.

– Алло! – сказал он хриплым спросонья голосом. – Алло! Говорите! Вас не слышно. Какого черта вы молчите? Сейчас пять утра! Позвоните после восьми.

Он слышал дыхание человека, который молча держал трубку телефона у своего лица. В пять утра звонят только в двух случаях: если случилась беда и ждать до утра невозможно или если хотят удостовериться, что человек, которому звонят, находится дома.

Константин был уверен, что на этот раз позвонили «гости». Он их не приглашал, но ждал уже давно.

– Кто это? – пробормотала Наташа, когда Константин положил сотовый телефон на столик рядом с кроватью.

– Спи, это меня, – спокойно ответил Константин. – Я сейчас...

«Это меня хотят убить, – уточнил он про себя. – А заодно и тебя, чтобы не оставлять свидетелей».

Он поцеловал Наташу, поправил на ней одеяло и вышел в темную гостиную.

Самым неприятным в ожидающей его встрече с «гостями» было то, что Константин не мог применить против них оружие. Он и так чудом – только в результате вмешательства очень влиятельных сил – оказался на свободе. Стоит ему взять в руки пистолет при свидетелях, как он тут же окажется за решеткой. И на этот раз – надолго.

Придется разбираться с «гостями» голыми руками.

Константин ждал этих «гостей». Они не могли оставить его в покое. У них был приказ уничтожить его, и они должны были выполнить этот приказ. Иначе у них самих возникнут серьезные проблемы, избавиться от которых не поможет даже бегство куда-нибудь в Южную Америку или, скажем, в Австралию.

Потому что «заказал» его не кто иной, как новоиспеченный депутат Государственной Думы Глеб Абрамович Белоцерковский, человек могущественный, за которым стоят миллиарды нефтедолларов, который финансирует несколько политических партий, интересы которого в официальной российской жизни отстаивают десятки политиков самого разного ранга, а в неофициальной – не меньшее число головорезов, киллеров и тому подобной публики, которую в окружении ГБ, как любят называть Белоцерковского журналисты, именуют просто «оперативниками».

Константин знал о причастности Белоцерковского к смерти его политического противника – крупного российского банкира Генриха Воловика. Пока Константин Панфилов прятался в Москве, словно крот, боясь вылезти на дневной свет и спокойно посмотреть людям в глаза, Белоцерковский не волновался. Но стоило Панфилову самому явиться с повинной и сдать двум первым попавшимся милиционерам, как ГБ заволновался не на шутку. Константин сделал непонятный шаг, чего теперь от него ожидать – неизвестно. Не мог же знать Белоцерковский, что Константин сдался милиционерам только для того, чтобы спасти Наташу. Глеб Абрамович сделал единственный возможный в его ситуации вывод – Панфилов арестован, а что он рассказывает на допросах – одному богу известно.

Белоцерковский принял срочные меры, в результате которых к Панфилову был командирован самый опытный из его адвокатов, с судьями проведена разъяснительно-корректирующая беседа, и Константин оказался на свободе. На свободе человека гораздо проще убить,

чем в тюремной камере. Человек просто пропадает бесследно, некоторое время его безрезультатно ищут, а потом забывают о нем. Так, собственно, и случилось с Генрихом Львовичем Воловиком, тайна смерти которого оказалась известной Константину Панфилову. Значит, и с самим Панфиловым произойдет то же самое.

У Панфилова было много грехов перед законом – он часто применял пистолетный выстрел в качестве последнего аргумента в разговоре с бандитами. Но сам он бандитом не был. Однако Константин не мог не ответить тем же, когда его стремились убить. Разве его вина, что у него это получалось удачнее. Может быть, потому, что за спиной у Константина были и Афганистан, и зона, и целая «война» в Москве, которую он вел вдвоем со своим погибшим другом против всего московского криминалитета. А может быть, потому, что сильнее хотел жить, чем те, кто пытался его уничтожить...

Константин заранее продумал, как действовать, когда «гости» наконец появятся. Он после суда не выходил на улицу, справедливо полагая, что на оживленных московских улицах его слишком легко подстрелить. Не стоит все же облегчать своим противникам задачу.

При этом и Наташу они трогать не станут. Сама она им в общем-то не нужна. Да и убрать ее они смогут в любой момент после того, как справятся с Константином.

«Если справятся, – усмехнулся он. – Бывали ситуации и посложнее...»

Еще одно соображение – в квартиру они тоже не полезут, считал Константин. Они не могут знать, что оружием Панфилов решил не пользоваться, чтобы не подставляться под новый срок – Константин же их не предупреждал. А если начнут ломиться в квартиру, Константин перестреляет их всех как куропаток, это они себе хорошо представляли.

Поэтому у них оставался единственный вариант – ждать, когда он решится выйти на улицу. Он просидел дома уже две недели, и нервы у его преследователей, видно, сдали. Звонок свидетельствует о том, что они решили все-таки напасть на квартиру. Но в последний момент засомневались – там ли он, не выскользнул ли незаметно? Константин им подыграл – сделал вид, что не понял, кто это звонит. Пусть думают, что он не ждет их сейчас.

Константин вышел на лоджию, быстро огляделся и вскочил на перила. Ухватившись за прутья ограждения лоджии верхнего этажа, он подтянулся, пару раз перехватил поочередно руками и оказался этажом выше. Он проделал эту операцию еще два раза, пока не попал на лоджию последнего, девятого этажа. С нее через люк в бетонном перекрытии узкая металлическая пожарная лестница вела на чердак.

Попав на чердак, Константин бросился к входной двери. Нельзя было терять ни секунды. Он должен напасть первым, иначе он отдаст им победу, а это означает, что погибнут и он сам, и Наташа.

Дверь была открыта, он сам ежедневно следил за тем, чтобы замок не закрывался.

Константин встал около двери и приготовился.

Ждать ему пришлось недолго.

Он услышал торопливые, но осторожные шаги и прижался спиной к стене, собравшись и сконцентрировавшись. Руки сами собой напряглись, ладони приобрели твердость камня.

За дверью кто-то начал возиться с замком, не догадываясь, что он открыт. Константин услышал тихие ругательства.

– Понавешают тут... – донеслось до него вместе с осторожным звяканьем ключа о железо.

– Чего ты там возишься? – чуть громче сказал кто-то другой. – Открыто же!

– Мать твою!.. – вновь раздался первый голос.

«Двое! – решил Константин. – Это уже хорошо! С двумя можно разобраться без особого шума».

Дверь распахнулась, и темноту чердака прорезал сноп света из освещенного лестничного пролета. Это Константин тоже учел – человек, попадающий из освещенного помещения в тем-

ное независимо от остроты зрения несколько секунд вообще ничего не видит, в отличие от человека, который к темноте уже привык.

– Да быстрее ты! – подтолкнул первого в спину второй. – Чего застрял?

– Да не видно же ни хрена! – отозвался тот, что стоял впереди. – Шею сломаешь тут в темноте, сплошные трубы...

«Шею тебе сейчас я сломаю, – подумал Константин. – А в остальном ты прав».

Двое наконец вошли на чердак и замялись у двери, прикрыв ее и оставив щель, через которую свет теперь лился лезвием. Константин стоял рядом, в метре от вошедшего вторым, прижавшись к стене возле какого-то широкого стояка, возможно, вентиляционного канала. Он ждал, когда второй повернется к нему спиной, чтобы напасть неожиданно и не дать ему возможности среагировать. Если со вторым у него выйдет заминка, то первый наверняка успеет его, Жигана, прикончить.

«Чего они мнутя? – подумал Константин. – Как девственники на пороге публичного дома. Тоже мне – профессионалы! Впрочем, это только группа прикрытия, которая должна была отрезать мне путь наверх через чердак. Должна была, но опоздала. Главные силы пойдут через дверь после того, как эти дадут им сигнал, что прибыли на место... Что же они медлят? Фонарь ищут! Нет, ребята, свет я вам зажечь не дам!»

Плохо было то, что Константин видел только одного из вошедших, того, что стоял к нему ближе – боком, вполоборота. Тот, что вошел первым, был скрыт напарником и совершенно терялся в темноте чердака. Но дольше медлить Константину было уже нельзя, так он мог пропустить свой момент. Момент, когда удача на твоей стороне.

Константин сделал резкое движение правой рукой, и его большой палец пробил висок тому, что стоял ближе. Константин тут же отпрыгнул немного вперед и круто развернулся.

Второй из пробравшихся на чердак заметил его движение вперед и успел выхватить пистолет. Еще мгновение, и грохнул бы выстрел, а вся контроперация Константина против своих убийц была бы провалена. Те, кто ждал сигнала у двери его квартиры, сразу поняли бы, что это за выстрел, и бросились на чердак. У Константина оставался бы только один путь – назад, через лоджии, но и там его поджидали. Драться без оружия в здании хотя бы с тремя-четырьмя вооруженными противниками – гиблое дело. Если тебе не удалась неожиданная атака, считай, ты пропал.

Но единственного мгновения, которое требовалось человеку, уже направившему на Константина пистолет, он ему не дал. Противник не ожидал, что Панфилов, метнувшийся вперед, остановится так резко и, главное, так близко. Вытянув вперед руку с зажатым в ней пистолетом, бандит почти ткнул его стволом в грудь.

Руки Константина метнулись к груди. Через долю секунды его пальцы уже крепко обхватили ладонь нападавшего. Резким движением вниз и вперед, в сторону нападавшего Константин сломал ему кисть, но закричать от боли не дал.

Парень со сломанной рукой успел только приглушенно охнуть, но в подъезде вряд ли услышали этот звук, – Константин успел зажать ему рот ладонью.

Еще одно движение рук Константина, и парень лег на пол со сломанной шеей.

– Как ты и предполагал, – прошептал ему на прощание Константин. – Видишь, как вредно предсказывать события. Можно накаркать.

Теперь – срочно вниз, пока заждавшиеся в подъезде главные силы нападающих не подняли тревогу из-за долгого отсутствия сигнала.

Быстро содрав с одного из лежащих на чердаке черную кожаную куртку и черную же вязаную шапочку и натянув их на себя, Константин помчался вниз, не забывая, впрочем, при каждом повороте лестницы проверять, не выскочит ли он в зону полной видимости. Это не входило в его планы. Константин сначала хотел разведать – сколько противников у него осталось, и, по возможности, уменьшить их число.

Он скорее почувствовал, чем увидел противника. Константин понял, еще только приближаясь к очередному повороту, что высказывать из-за него нельзя.

Он резко остановился, натянул шапку на глаза и без всякого удивления обнаружил, что в ней сделана прорезь. Развернувшись боком, так, чтобы даже глаз его не было видно, Константин высунулся из-за лестничного пролета на полголовы и увидел, что на подступах к его квартире, на лестничных маршах, ведущих на нижний и на верхний этажи, стоят трое с пистолетами в руках – двое внизу и один – на лестнице, расположенной ближе к нему. В руках у него был короткий ломик.

«Хорошая отмычка! – успел усмехнуться Константин. – Боюсь, тебе не придется ею воспользоваться».

На звук его шагов стоящий ближе к нему парень, на глаза которого тоже была натянута шапка, не поворачивая головы, зло бросил:

– Вы чего там возитесь, пидоры?

– Дверь заржавела, – сдавленным шепотом, чтобы нельзя было узнать его по голосу, прошепел Константин. – Не открывается.

– Я тебе сейчас яйца оторву, козел! – таким же драматическим свистящим шепотом ответил парень с ломиком в руках. – А ну, быстро!.. Шерстяной, разберись там, чего они, мать их!..

Но Константин не стал дожидаться, пока Шерстяной встретится с ним на глазах у этого, который, вероятно, был у них за главного. Он легко пробежал один лестничный пролет и достал сигарету из кармана.

Едва на лестнице показался здоровый, ростом на голову выше Константина парень с совершенно лысой головой, как Константин уткнулся лицом в сложенные лодочкой ладони, сделав вид, что прикуривает.

Как он и предполагал, Шерстяной, которого, вероятно, прозвали так в насмешку, пришел в ярость.

«Там на нервах все, а он курить надумал, падла! Вот я тебе сейчас эту сигарку в глотку вобью!» – так примерно он должен был подумать, по мнению Константина, и ринуться на сближение, стремясь наказать за расхлябанность и бестолковость во время «работы».

Константин стоял к нему спиной, но чутко прислушивался и представлял себе расстояние между ними с точностью до сантиметра.

«Пора!» – понял он и круто развернулся, согнув правую руку в локте и упираясь в нее левой. Его локоть с хрустом впечатался прямо в переносицу спешащего вверх Шерстяного.

В глазах у того мелькнуло недоумение, но они сразу же помутнели и закатились. Шерстяной стал оседать, но Константин не дал ему упасть и покатиться вниз. Он ухватил лысого за куртку и осторожно опустил на ступеньки, положив его голову на холодный бетон. Ребро ладони Константина легко коснулось шеи бандита в районе уха, но, несмотря на легкость прикосновения, лицо Шерстяного начало наливаться кровью и краснеть.

Константин заметил, что в одной руке Шерстяной сжимает такой же короткий ломик, какой он видел и у главного.

«Хорошо! – подумал Константин. – Пригодится. Спасибо, приятель».

Он разжал ладонь бандита, сжимающую ломик, и увидел, что она густо заросла короткими волосами. Волосы росли у него даже на пальцах и между ними. Теперь происхождение клички не вызывало сомнений.

Прихватив с собой ломик, Константин поспешил вниз.

«Осталось двое! – подумал он. – Что ж, шансы, пожалуй, уравнились».

На этот раз он выскочил из-за поворота лестницы как только мог быстро и, не теряя ни секунды, прыгнул ногами вперед на парня с ломиком, стоявшего к нему влоборота.

Не ожидавший нападения парень успел все же поднять ломик на уровень груди и развернуть в сторону летящего на него Константина.

Конечно, это его не спасло.

Отбить железный прут одной ногой, чтобы другая получила беспрепятственный доступ к голове, было не так уж и сложно.

Гораздо труднее оказалось скоординировать свои действия таким образом, чтобы, выбивая из рук лом, в то же самое время точно метнуть такой же отобранный у Шерстяного в бандита, стоящего несколькими ступеньками ниже.

Константин и не рассчитывал, что у него получится. Но полного, стопроцентного выполнения этого плана и не требовалось. Важно было не ошибиться с тем, кто стоял к нему ближе. Этого необходимо было надежно исключить из игры. И Константину это удалось.

Каблук его тяжелого ботинка с огромной скоростью врезался парню прямо в лоб и отбросил его к противоположной стене. Парень врезался головой в стену.

Константин, ударив его ногой, сразу же повернулся к тому из бандитов, что находился ниже. В ушах у него стоял звон катящегося по ступенькам лома.

«Не попал! – без сожаления отметил Константин, просто констатируя факт, поскольку точного попадания и не требовалось.

Лом, вероятно, попал в парня плашмя, поскольку тот уцелел и бросился вниз, забыв о том, что бегство с задания ничуть не лучше смерти «при исполнении». Но «разбор полетов» и наказание еще предстояли, а здесь была реальная, только что настигшая его начальника смерть. Это было страшнее.

Константин остался на площадке один.

Он оглядел место сражения, лежащего у стены в совершенно неестественной позе бандита – голова у него была прижата щекой к груди, затылок упирался в стену, и на кафельном полу уже показался темный ручеек крови.

Прикинув, что выше тоже лежит труп, а на чердаке – еще два, Константин понял, что ему очень трудно будет доказать, что действовал он в пределах допустимой самообороны. К сожалению, те пределы, которые на самооборону отводит закон, предусматривают только возможность поднять руки вверх. Если ты их выставишь вперед – все: превысил, отвечай по закону.

«Надо уходить!» – подумал Константин и бросился в свою квартиру, за Наташей. Но, сделав пару прыжков по лестнице, он тут же остановился, представив, как поведет по ней Наташу. Ей придется идти по крови и перешагивать через труп только что убитого им человека.

«Мать твою! – мысленно выругался Константин. – Надо прибраться!»

Константин стянул с лежащего на кафеле тела черную куртку и прикрыл ею лужи крови. Затем подхватил убитого парня под мышки и перетащил на этаж выше, в компанию к Шерстяному.

– Расскажешь ему, как оно там, куда ты теперь попал, ладно? – сказал Жиган, положив тело рядом с Шерстяным. – А впрочем, он, наверное, и сам уже знает... Побеседуйте, ребята!

Через полторы минуты Константин вывел, придерживая за плечи, ничего не понявшую, закутанную в одеяло Наташу и пошел с нею вниз.

– Что это? – пробормотала она, когда они проходили мимо прикрывающей лужу крови куртки.

– Это парень один тут у нас живет. Рассеянный очень. Одежду на ходу теряет, – ответил Жиган. – Да она ему не нужна теперь будет. Он на другую форму одежды перешел. Ты поторапливайся, если хочешь еще сегодня поспать.

Заговаривая Наташе зубы и отвлекая ее своей болтовней, Константин пытался сообразить, не ждут ли их внизу еще какие-нибудь сюрпризы?

Впрочем, он был уверен, что выскочивший из подъезда бандит нагнал такого страху на водителя машины, на которой они сюда прибыли, что они, поняв, что только вдвоем остались в живых, бросились наутек.

Константин открыл машину, на которой обычно ездила Наташа, усадил ее на заднее сиденье, сам сел за руль.

– Что происходит? – в который раз спрашивала Наташа. – Куда мы?

– Ты мне сколько раз предлагала переехать к тебе? – спросил Константин, обернувшись к ней. – Ну вот, я согласился.

– Костя! – возмущенно воскликнула Наташа. – Ты просто невозможный. Нельзя было до утра подождать?

– Нельзя! – твердо ответил Константин. – Вдруг я передумал бы?

Глава 2

Как это ни странно было для Константина, но Белоцерковский оставил его в покое. Глеба Абрамовича мало задела смерть четырех оперативников, которых он никогда в глаза не видел и которые никак не были напрямую с ним связаны. На их место найдутся еще четверо, пятеро, шестеро, столько, сколько потребуется.

Гораздо важнее, что Константин убил этих людей. Глеб Абрамович умел разбираться в психологии не только политиков и банкиров. Он хорошо понимал и стоящих на противоположном конце социальной лестницы, – бандитов, киллеров, словом, «оперативников», впрочем, в последнее время конец что-то слишком часто стал совпадать с началом.

Раз Панфилов до сих пор молчит, значит, будет молчать и дальше, до тех пор, пока ему это выгодно. Судя по всему, он хочет жить и хочет находиться на воле, а не в тюрьме. Значит – будет молчать, что от него и требуется.

Поэтому Белоцерковский отдал другую команду: за Панфиловым приглядывать, но не связываться. О контактах с правоохранительными органами докладывать. И пусть пока погуляет, если хочет. Его время еще придет.

«Не стоит же, в конце концов, устраивать представление из ликвидации Панфилова. Мы, господа, не в цирке, мы на работе», – заключил олигарх.

* * *

Константин понял, что ему предоставлена передышка. И это было кстати, поскольку ситуация вынужденного отсиживания дома, на этот раз – у Наташи, его не устраивала. Он хотел быть свободным и независимым. Таким, каким был раньше.

Разрешить проблему помогла Наташа. Это она притащила домой дочерна загорелого невысокого человека и с порога заявила:

– Твой земляк! Из Запрудного.

Константин с удивлением поглядел на стоящего у порога темнокожего мужчину. Кто это? Он не узнавал обезображенного шрамами лица. Кто-то из «лаврушников»? Но почему Наташа представила его как земляка? Насколько Константин помнил, в Запрудном «лаврушников» никогда земляками не считали, даже если они прожили там лет десять-пятнадцать... Кто же это?

Человек со шрамами на лице тоже смотрел на Константина с недоверием. У него во взгляде появилось какое-то напряжение.

Он повернулся к Наташе и уточнил:

– Это Панфилов? Константин Петрович Панфилов?

И, повернувшись к Константину лицом, спросил уже с вызовом, глядя ему прямо в глаза:

– Жиган?

Константин усмехнулся. Вот оно что. Все дело в пластической операции, которую он сделал недавно, пытаясь спастись от преследовавшего его прошлого. Из этой затеи ничего не вышло, прошлое вновь догнало его, но на прежнего Жигана он действительно теперь не похож.

– Тебя тоже узнать трудно, – сказал Константин. – Я в Запрудном всех знаю... Может быть, представишься?

– Меня звали Куршаком, пока в армию не ушел... – сказал человек у дверей.

– Иван! – воскликнул Константин. – Так ты жив, чудак? А мы тебя давно похоронили, еще в девяносто четвертом.

– Я-то жив, – ответил Иван. – Но тебя я не знаю.

– Наташа, – попросил Константин, – принеси ему мой портрет.

Наташа и сама сообразила, что Константина теперь и в самом деле не узнать тем, кто знал его раньше. Она разыскала рисунок, который сделал хирург, проводивший операцию. Панфилов был на нем нарисован точно таким, каким был прежде.

– Смотри, сравнивай, – протянул рисунок Ивану Константин и повернулся к нему в три четверти, точно так, как он был изображен на рисунке.

Иван рассматривал рисунок минуты три, то и дело бросая взгляды на Константина. Потом почесал в затылке и произнес сомневающимся тоном:

– Черт его знает! Вроде похож, когда на рисунок смотришь. А как только глаза отведешь – не похож!

– Ну ладно, – вздохнул Константин. – А хочешь, расскажу, как ты впервые нос сломал? Это послужит доказательством?

Когда Иван Куршаков был еще совсем сопливым пацаном, он увязался с «большими», то есть подростками, подсматривать в женскую баню. Когда разгневанные купальщицы плеснули на них со второго этажа кипятком, он так рванул, ничего не видя перед собой, что врезался носом в забор. Ему потом года два эту историю припоминали.

Иван замахал руками и смущенно посмотрел на Наташу.

– Нет! Не надо! Верю! Не рассказывай. Ты прав, меня и самого трудно узнать.

* * *

А познакомилась с Иваном Наташа, когда разыскивала героя для своей следующей телепередачи «Глазами очевидца» и вышла на него в Союзе ветеранов чеченской войны или, сокращенно, СВЧВ. Командир танкового экипажа Иван Куршаков всего несколько недель назад бежал из чеченского плена, в котором провел три года, и Наташа надеялась, что его рассказ о жизни русских рабов в Чечне окажется достаточно интересным, чтобы на этом построить очередной выпуск телевизионной передачи.

Рассказ и в самом деле был интересен, но видеоряда под него не было никакого, кроме архивных кадров, уже не раз использованных в других передачах. Наташа попыталась все же предложить идею передачи главному редактору программы, но тот ее и слушать не захотел. Возможно, причина отказа была и не в отсутствии актуального видеоряда, а в сегодняшнем положении в самой Чечне. Организованный ФСБ информационный центр, не осуществляя напрямую цензуры, контролировал тем не менее выпуск аналитических программ на чеченскую тему. Но такой контроль осуществлялся на уровне руководства телеканалами, и до Наташи доходили только отголоски. Ее сюжет не утвердили.

Иван несколько не расстроился, когда Наташа сообщила ему, что передачу о Чечне ей сделать не удастся. Он и не стремился на телеэкран. У Ивана, как и у Константина, было заметно стремление к скрытности и одиночеству, вероятно, долгая жизнь в плену, который он называл не иначе как рабством, воспитала в нем эти качества.

Наташа извинилась перед ним и собралась повесить телефонную трубку, но, уже практически прощаясь, спросила, что он собирается делать дальше? Просто так спросила, скорее из вежливости.

Иван, немного помолчав, сообщил, что собирается перебраться из Москвы в Запрудный. Тут она и выдала ему, что знает человека по имени Константин и он тоже из Запрудного.

Иван долго не мог поверить, что она говорит о Константине Панфилове, человеке, очень хорошо известном в Запрудном. Но когда поверил, тут же загорелся желанием его увидеть.

И не только потому, что долго не видел своих земляков, тем более что многие его погодки разбрелись по зонам и кладбищам. Была у него одна проблема, решить которую в одиночку он не мог. Не знал даже, как к ней подступить.

Сообщение о том, что где-то рядом находится Константин Панфилов, легендарный Жиган, одно имя которого когда-то умирало самых крутых в Запрудном, показалось ему чудесным решением проблемы. Он попросил Наташу, чтобы она отвела его к Константину.

* * *

Новости, обрушившейся на него, Константин не поверил. Но Иван смотрел на него абсолютно серьезно, в глазах у него не было и признака иронии, не искрились лукавые змейки, по которым Константин всегда понимал, что человек решил над ним подшутить.

Да и потом – разве можно было этим шутить!

– Стоп! – сказал Константин, обрывая Ивана, который не понял, что ошеломил приятеля информацией. – Давай сначала и помедленней, – продолжал Константин. – Не трещи, как сорока на заборе.

Иван не обиделся. Он сам точно так же долго не мог спокойно реагировать на известие, которое только что сообщил Константину.

– Повторяю, – произнес он спокойно и медленно, как и просил Константин. – Из отряда «Зеленое знамя» в Запрудный послана группа боевиков. Их цель – террористический акт с максимально большими жертвами. Времени и места, где произойдет взрыв, я не знаю, да они и сами его тогда не знали... Думаю, что сейчас они уже в Запрудном и готовят взрыв.

– Ты не мог ошибиться? – продолжал сомневаться Константин. – Почему именно Запрудный?

– Откуда же я знаю? – спокойно пожал плечами Иван. – Я, что ли, выбирал? Наверное, потому, что в Москве их прижали сильно. А там, думают, поменьше следят, городишко маленький, в МВД наверняка решили, что для террористов он интереса не представляет, значит, и контроля особого нет. Потом, вспомни, там же всегда была довольно сильная чеченская группировка. Наверняка кто-то из нее оказался в Чечне, вот и подал идею, город-то хорошо знает...

– А ты как обо всем этом узнал? – спросил Константин. – Не приснилось тебе все это?

– Не приснилось, – покачал головой Иван. – И не думай, что это такая уж тайна. Чеченцы об этом почти открыто говорят между собой, выясняют, кто из них круче. Там надо уши специально зажимать, чтобы случайно какой-нибудь военный секрет не узнать.

– Ты все-таки поподробней рассказывай, – настаивал Константин. – Как тебе стало известно об этом взрыве в Запрудном?

– Да просто очень! – начал слегка кипятился Иван. – Мой хозяин продал меня в другое селение, деньги ему срочно понадобились, сына женить. Нас пригнали вниз, в долину, и посадили в подвал, меня и еще двух парней, солдат-первогодков из Майкопа. Утром заставили работать, – крыть крышу в недостроенном доме. Оказалось, что нас купил один из боевиков, рассчитывая выгодно перепродать, а пока мы должны были работать. У меня, наверное, на лице написано было, что я только и думаю, как сбежать, да и пареньки, с которыми мы вместе вкалывали, тоже глазами по сторонам зыркали. Поэтому на работу нас посылали всегда только со сторожем, с «пастухом», как мы его называли. Сидеть весь день ему около нас скучно, сам понимаешь, он то и дело болтать с кем-нибудь принимался... Я помню, мы как раз кровлю крыли, над укрытием велено было сарай построить для отвода глаз. Я лист шифера прибил и сижу жду, когда мне новый пацаны принесут... А «пастух» наш в это время кого-то увидел вдалеке и кричит по-своему: «Иди сюда, мол, покурим, я угощаю». Я немного понимать стал, пока на них горбатился. И устраиваются они прямо подо мной, курить, значит. Я сижу, отдыхаю. И тут чеченец, который к «пастуху» нашему подошел, говорит на чистом русском, – уезжаю, мол, скоро, домой, на родину. И посмеивается при этом... Я сижу. Заинтересовался, правда, что за русский, но я и раньше знал, что в этом отряде русские есть... И тут он говорит, – в Запрудный, мол, уезжаю! И объясняет еще, что это рядом с Москвой, ну и что город, мол,

небольшой. Я, честно скажу, чуть с крыши не упал. Затаился и жду, что он дальше скажет. Щели ни одной в шифере нет, посмотреть, что за «земляк» у меня среди боевиков объявился, невозможно, остается только подслушивать. А чеченец, «пастух»-то наш, вдруг его спрашивает – не жалко, мол, взрывать? Он в ответ рассмеялся со злостью и говорит – жалко будет, говорит, если мало на тот свет отправлю. Тут до меня дошло, наконец, что это он говорит о том, что в Запрудном взрыв поедет устраивать. Первая мысль – спрыгнуть с крыши и задушить его голыми руками, тварь поганую! Но удержался, сообразил, что больше двоих мне задушить не удастся, а группу в любом случае в Россию отправят, не в Запрудный, так еще куда. Нет, думаю, пусть они именно в Запрудный едут! По крайней мере, известно, где их ловить. Единственное, чего я теперь хотел, – это на лицо этого «землячка» взглянуть, чтобы знать, кого в Запрудном в гости ждать. А в том, что я теперь сбегу обязательно, и скоро сбегу, я уже не сомневался. Не мог я, зная такое, оставаться там, в Чечне.

– Это не могло быть... – Константин хотел сказать «шуткой», но понял, что это был бы полный абсурд, – ...хвастовством каким-нибудь? Враньем элементарным?

– Могло, – кивнул Иван. – А могло и не быть! Что? Голосованием этот вопрос решать будем? А потом дожидаться – взорвут в Запрудном многоэтажку или не взорвут? Так, что ли?

– Да ладно, не лезь в бочку! – прикрикнул на него Константин. – Сам понимаю, что приходится верить, другого выхода нет... Рассмотрел ты его, нашего «земляка»?

– Рассмотрел, – кивнул Иван, – но толку от этого никакого. Я не знаю его совершенно... Просто первый раз видел. И рожа самая обычная – борода черная, глаза навывкате, бешеные, острый нос вперед торчит... Там все друг на друга похожи.

– Узнать его сможешь? – спросил Константин.

– Если не побреется, попробую, – буркнул в ответ Иван. – Говорят же тебе – все одинаковые они там.

* * *

В комнату, где они разговаривали, вошла Наташа и сразу же уловила напряжение, которое застыло в воздухе.

– Завтракать будете, спорщики? – спросила она. – Столько лет не виделись и уже опять какие-то проблемы решаете. Что случилось-то?

Константин ничего не ответил. Иван посмотрел на него немного растерянно, не зная, нужно ли Наташе рассказывать все то, о чем он только что рассказал Константину.

– Да мы и не спорим вовсе, – как-то по-детски начал он оправдываться. – Просто обсуждали одну проблему.

Константин поднял голову.

– Иван привез невеселые новости из Чечни, – сказал он, глядя на Наташу. – В Запрудном готовится взрыв, наподобие тех, что были в Москве. Похоже, придется поверить, что это не выдумка и не дезинформация.

– Взрыв? – побледнела Наташа. – В Запрудном? А в Москве?

– Про Москву я не слышал, – ответил Иван. – Речь шла именно о Запрудном... Думаю, что у нас не так много времени осталось. Надо что-то решать.

– За что люблю Ваню Куршакова, так это за решительность, – проворчал Константин, поднимаясь с кресла. – Извини, Наташа, сейчас не до завтрака. Потом, попозже. Иван прав, нельзя сидеть сложа руки.

Панфилов взял со стола телефон и набрал номер дежурного горотдела милиции.

– Готовься, – сказал он Ивану. – Начнут тебя потрошить основательно. Раз тридцать придется всю эту историю рассказывать.

Иван скептически вздохнул, но промолчал.

* * *

Из горотдела Иван вернулся только к вечеру. Он рассказал, что его и впрямь расспрашивали поочередно человек десять, не меньше, и каждому он рассказывал свою историю по два-три раза. Его поблагодарили за предоставленную информацию, попросили помочь составить фоторобот человека, который говорил о готовящемся взрыве в Запрудном, и сказали, что дальше сделают все сами, беспокоиться ему не о чем.

Константин тяжело вздохнул и ничего не ответил.

Однако не беспокоиться было трудно. Ни один из телеканалов не давал сообщения о том, что в Запрудном арестована группа террористов, готовивших взрыв. Константин ходил мрачный, Иван тоже на каждое слово раздраженно огрызался, Наташа была очень задумчива и молчалива.

Через неделю Константин не выдержал. Он позвонил следователю, с которым разговаривал Иван, и назвал свое имя. Следователь долго выяснял у Константина его анкетные данные, спрашивал всякую ерунду о дате рождения, прописке, отношении к военной службе и прочих не относящихся к делу мелочах. Константин терпеливо отвечал на все вопросы, понимая, что потерявшая его след ФСБ вычисляет сейчас его по номеру телефона. Впрочем, с чего это он взял, что его след потерян? Возможно, следователь тянет время, не зная, как реагировать на звонок Константина, и по параллельному телефону запрашиваются инструкции у начальства.

Скорее всего так и было, поскольку следователь в итоге передал трубку какому-то майору Тихонову, заявившему, что он руководитель антитеррористической группы. Говорил Тихонов уверенно и жестко.

Константин понял, что инструкции на его счет получены. Это его несколько не смущало. Каковы бы ни были инструкции, он им сейчас подкинет задачу, над которой они поломают головы, – стоит ли опасаться Константина Панфилова, которому слишком многое известно о методах работы ФСБ.

– Слушаю вас, Панфилов, – сказал Тихонов. – Хотя предпочтительнее было бы с вами встретиться и поговорить не по телефону, а более откровенно и основательно.

– Я предпочитаю не встречаться с людьми вашей профессии, – ответил Константин. – Мы слишком разные, вряд ли сумеем договориться.

Тихонов неопределенно хмыкнул.

– Я вас не понимаю.

– И не надо, – отрезал Константин. – У меня к вам всего один вопрос: какие меры вы предприняли, чтобы защитить Запрудный от террористов?

– Откуда... – растерялся Тихонов, – вам вообще о них известно?

– От Ивана Куршакова, – сообщил Константин. – От того, кто сообщил вам о готовящемся теракте. Я могу быть спокоен за город, в котором вырос?

– По какому праву вы, собственно, меня допрашиваете? – возмутился Тихонов.

– Спросите в Запрудном, кто такой Жиган, – посоветовал ему Константин. – Может быть, тогда не станете задавать глупых вопросов. Это мой город, и если вы не в состоянии обеспечить его безопасность, я вынужден буду сделать это сам.

Тихонов ничего не ответил, он не был готов к такому повороту событий. Константин фактически сообщал, что готов выполнить работу, которую должна выполнить ФСБ, – найти группу террористов и обезвредить ее. Ясно было, что его компетенции не хватает, чтобы принять решение.

Майор принялся что-то мычать в трубку, не отвечая фактически ничего на прямо поставленный вопрос.

Чем дольше он мычал, тем больше понимал Константин, что ФСБ нисколько не удалось продвинуться в поисках группы террористов. Наверняка к разговору негласно подключился оперативный аналитик и сейчас лихорадочно ищет решение возникшей ситуации, которое было бы наиболее эффективным с точки зрения ФСБ.

Через полторы минуты Тихонов вдруг поменял тон и из жесткого и уверенного в себе оперативника превратился в мямлящего клерка, который принялся приторно доброжелательным тоном уверять Константина, что информация, полученная по сигналу Ивана Куршакова, тщательно проверена, но, к счастью, подтверждения не получила. Скорее всего это обычная дезинформация, которую через Ивана чеченцы специально внедряют в Россию, чтобы посеять панические настроения.

Константин выматерился и швырнул трубку.

ФСБ явно устраивало решение Константина ввязаться в эту историю с террористами. Сами они, конечно, еще ничего не сделали, Тихонов фактически это и сказал, заявив, что информация подтверждения не получила. Константин, конечно, представляет для ФСБ некоторую опасность, как совершенно неуправляемый и слишком осведомленный о методах работы их оперативников объект. Наверняка не простили ему и нескольких фээсбэшников, которые не смогли выполнить приказ своего начальства и тихо ликвидировать Панфилова. Константин сам их ликвидировал, не имея, правда, никакого желания делать это. Но не подставлять же ему свою шею под топор!

Внимание Константина к группе, посланной из Чечни в Запрудный для совершения теракта, вполне устраивает ФСБ. Константин прекрасно знает этот город и способен контактировать с такими кругами, которые никогда не пойдут на контакт с ФСБ. Возможно, ему даже быстрее удастся выйти на террористов. Достаточно за ним исподволь приглядывать, работая одновременно по своим собственным версиям. Константин выступал сейчас как союзник в решении конкретной проблемы, и глупо было бы отталкивать от себя такого союзника.

А когда террористы будут найдены и обезврежены, ФСБ обязательно вернется к вопросу – как быть с самим Панфиловым? Если его не пристрелят те же террористы, например. Возможно, именно такой исход негласного сотрудничества с Панфиловым и запланирован ФСБ...

Там уже за него все решили. Пора принимать решение и ему. Если он его еще не принял... Впрочем, Константин теперь не один. У него есть Наташа. И Иван. Константин понял, что Куршаков теперь надолго рядом с ним, и почувствовал, что рад этому. Иван-то по этому поводу что думает?

Иван... Он, конечно, человек решительный, но в присутствии Константина всегда уступает ему право принимать решение. Словно старшему брату. Наташа? Наташа тут вообще ни при чем... Даже если она и против того, чтобы Константин ввязывался в эту историю, это ничего не изменит, не повлияет на его решение. Хотя узнать ее мнение, конечно, необходимо.

Да, но как ему не ввязаться в эту историю?

Константин усмехнулся своим мыслям. Он перестанет себя уважать, если махнет рукой на реальную опасность, которая угрожает людям, с которыми он прожил бок о бок половину своей жизни, до тех пор, пока не оказался в Москве. Даже в том случае, если ничего и не случится, если это и вправду окажется дезинформация. А если не окажется? Если в Запрудном взлетит на воздух многоквартирный дом? Сможет он жить дальше, зная, что мог попытаться спасти сотни ни в чем не повинных людей, женщин, детей, стариков, но не сделал этого, опустил руки? Конечно, не сможет...

Это значит, что выбора у него, собственно говоря, и нет! Раз милиция не принимает информацию Ивана всерьез, значит, он, Константин, должен отнестись к ней серьезно и сделать то, что отказывается сделать, не может сделать милиция. Сможет он это сделать?

Константин опять усмехнулся. А у него и в этом вопросе выбора нет. Если не сможет – грош ему цена!

В конце концов, он, Константин Панфилов, намного опытнее любого из этих боевиков, у многих из которых за плечами всего несколько месяцев подготовки в спецлагере да несколько убийств, чаще всего людей беспомощных и безоружных. В открытом бою боевики сражаться не любят, чувствуют свою слабость, трусят, как вонючие шакалы...

Константину была хорошо знакома эта порода людей – готовых продать за деньги все, что угодно, и сделать все, что угодно, если им за это хорошо заплатят. Но когда они смотрели в глаза своей смерти, ноги у них подгибались и руки начинали дрожать. У Константина было много возможностей в этом убедиться – и в Афганистане, и на зоне, и в Москве.

– Ну что решил-то, Жиган? – осторожно спросил его Иван.

Константин даже не обратил внимания, что Иван назвал его кличкой, которую ему дали много лет назад в зоне и которую очень хорошо знали в Запрудном, когда Константин пытался организовать из местной «братвы» боевой отряд. Он и сам чувствовал себя сейчас Жиганом, которому объявили войну чеченцы...

Впрочем, Иван говорил, что один из террористов русский. Может быть, и не один. Тем более нужно их найти. С предателями разговор особый. А кто еще эти люди, как не предатели своего народа?

– Позови Наташу, – вместо ответа сказал Ивану Константин.

Наташа ждала решения от Константина. Несмотря на то, что они жили вместе не так уж и долго, она очень хорошо чувствовала состояние близкого ей человека. Сейчас он был взволнован и в то же время решителен. Она догадывалась, что у него на уме.

Константин взял ее за руку, притянул к себе.

– Мы уезжаем сегодня с Иваном, – сказал он. – В Запрудный. Боюсь, у меня не будет времени назначать тебе свидания, хоть это и совсем рядом с Москвой.

– Ты напрасно за меня беспокоишься, – улыбнулась в ответ Наташа и погладила его по ключевой щеке. – Я поеду с вами.

– Нет, – усмехнулся Константин. – Это дело мужское. Твой удел ждать мужа и беспокоиться за него.

– Я все равно о тебе буду беспокоиться, хоть здесь, хоть там, рядом с тобой, – спокойно ему возражая, пожалала плечами Наташа. – И потом...

Она смущенно замолчала.

– Что потом? – спросил Константин.

– И потом, я подумала, что видеочамера в моих руках вам не помешает... – сказала Наташа. – А для меня это, наверное, единственная возможность... Я хочу снять документальный фильм о поисках террористов.

– Ну, знаешь! – ответил Константин. – Мне твоя идея не нравится.

– Костя, – спокойно сказала Наташа, но в голосе ее слышались напряженные, упрямые нотки. – Ты не можешь мне запретить делать то, что я хочу. Это моя работа, в конце концов. Ты же не хочешь, чтобы я отправилась туда сама и лезла во все дыры, путаясь под ногами и мешая вам с Иваном?

– Сдавайся, Костя! – засмеялся Иван. – Приперли тебя к стенке.

– Придется, – сказал Константин, скрывая свое раздражение.

Ему очень не хотелось впутывать в эту историю Наташу и подвергать ее жизнь опасности. Но он понял, что Наташа права, – если она поедет вслед за ними самостоятельно, это будет для нее еще опаснее.

– Так и быть, – заставил себя улыбнуться Константин. – Собирайтесь, бойцы спецотряда по борьбе с терроризмом. Через час выезжаем.

Но на душе у него кошки скребли. Ничего веселого их впереди не ждало. Константин хорошо представлял себе противника, с которым придется вступить в борьбу – жестокого и циничного, коварного и беспощадного.

И главное – у них не было права ни отступить, ни проиграть. Им нужна была только победа.

Но Константин пока даже не представлял себе, как это сделать. Противника нужно было сначала обнаружить, что сделать совсем не так легко, как могло показаться на первый взгляд.

Конечно, кое-кого из Запрудного Константин помнил. Да и его не должны были забыть. Он понимал, что его появление в Запрудном, из которого он исчез несколько лет назад и «пропал без вести», как гласила официальная милицейская сводка, произведет сенсацию и наделает много шума. Но он надеялся, что шум скоро уляжется, если не привлекать к себе внимания специально. И ему удастся встретиться с нужными людьми и спокойно поговорить с ними. Неужели откажутся помочь вновь вернувшемуся в Запрудный Жигану те люди, которым он когда-то помогал, кого не раз выручал в безвыходных ситуациях? Константин был уверен, что этого не произойдет. Сам он всегда готов был, рискуя жизнью, помогать человеку, который когда-то помог ему или спас от смерти. И от других хотел того же.

Может быть, это было и наивно, но Константин не умел по-иному.

Глава 3

Директор ФСБ генерал-полковник Утин был чрезвычайно удивлен, обнаружив в вечерней оперативной сводке наиболее важных событий упоминание о Константине Панфилове. Он немедленно вызвал начальника оперативной службы полковника Шевчука и потребовал объяснений.

– Скажите, полковник, – говорил Утин, нервно прохаживаясь по кабинету перед застывшим по стойке «смирно» Шевчуком, – вам сколько до пенсии осталось?

Вопрос не предвещал ничего хорошего, потому что до пенсии Шевчуку было, как до Китая пешком. Он мысленно вздохнул и ответил честно:

– Не знаю, товарищ генерал, не считал. Лет десять, не меньше.

– А у меня сложилось такое впечатление, что вы у нас сверхсрочник! – язвительно сказал Утин. Чувствовалось, что он постепенно накаляется. – Вы какой службой руководите? Комитетом ветеранов контрразведки? Или отделом социального обеспечения? Вы у себя там богадельню развели для оперативников?

– Никак нет, товарищ генерал! – успел вставить Шевчук, давно уже сообразивший, что это разнос, но пока не понимающий, по какому поводу.

– Какого черта, я вас спрашиваю? – уже кричал на него генерал, не слушая, да и не слыша ничего. – Можно подумать, что этот самый Панфилов – супермен какой-то! В каждой сводке я натываюсь на эту дурацкую фамилию! То мне докладывают, что Панфилов ввязался в политические интриги между самыми влиятельными политиками! То он устраивает террор в Москве и начинает вершить «правосудие от Панфилова», наказывая тех, кого считает нужным! А мы с вами, а наша оперативная служба, а наши герои обдристанные не могут взять человека, который косяками отправляет на тот свет криминальных авторитетов! Вы все там старые пердуны, а не оперативная служба!

Утин остановился перед замершим Шевчуком и испепелял его глазами. Тот был совсем не похож на «старого пердуна», как выразился генерал, – подтянутая фигура, крутые плечи, мужественное лицо с квадратной челюстью. Утин разозлился еще сильнее.

– Да, я помню, что сам приказал не трогать его какое-то время, пока его искали киллеры, чтобы отомстить за своих главарей, – Утин махнул рукой. – У тебя у самого мозги есть, полковник? Ты сам-то мог сообразить, что, как только мы разделались с этими бандюгами, возомнившими себя вправе вмешиваться в наши дела, Панфилова тут же надо было ликвидировать? Или ты способен только подпольные публичные дома инспектировать? Там мозги не требуются, там другое нужно!

Не обращая внимания на то, что последнее его заявление находится в прямом противоречии с тем, что он говорил минутой раньше, Утин поднял руку к лицу Шевчука и медленно, палец за пальцем, сжал растопыренную ладонь в кулак. Шевчук, который то и дело порывался что-то объяснить, счел за лучшее помолчать.

– Яйца оторву! – угрожающим свистящим шепотом пообещал Утин.

Он снова заметался по кабинету. Подошел к своему огромному столу, взял с него лист сводки, взглянул и в крайнем раздражении бросил обратно.

– Мало того, что вы не могли найти его черт-те сколько времени, – Утин вновь кричал, – мало того, что вы угробили нескольких человек при неудачных попытках его ликвидации, так он еще каким-то образом умудрился явиться с повинной и устроить из этого информационное шоу. И нам пришлось ломать голову, как его нейтрализовать на суде. Мы этим должны, потвоему, заниматься? Я тебя спрашиваю, полковник! Этот Панфилов, черт его дери, он что – угрожает безопасности России? Почему я должен тратить на него время, почему, я тебя спрашиваю?

Утин вдруг рассмеялся.

– Нет, меня скоро в Кремле начнут спрашивать об этом Панфилове. «Ну что, понимаешь, поймал?» – он изобразил прототип довольно похоже, точно передав интонацию. – И я опять натываюсь на него в сводке.

Утин схватил лист бумаги со стола и сунул его под нос полковнику.

– Какого черта ты тут пишешь: «обнаружен, установлено местонахождение», – начал перечислять он, – «осуществлен контакт с привлечением оперативного аналитика...» Кому нужна вся эта хреновина? Ты что, разучился принимать решения самостоятельно? От этого есть лекарство, знаешь? Разжалованием называется. Или служебным несоответствием. Выбери, что больше понравится.

– Товарищ... – начал было полковник.

– Ма-ал-чать! – рявкнул на него Утин. – Тебе что, больше заняться нечем? Меня в Кремле каждую неделю ...и в хвост и в гриву – когда мы задержим террористов-взрывников? А ты тут со своим Панфиловым. Выпусти на него постоянного «охотника» – пусть пасет, пока дело не сделает. И чтобы больше я о нем не слышал! Понял меня?

– Так ведь, товарищ гене... – ринулся что-то объяснять Шевчук.

– Все! Все-все-все! – замахал на него руками Утин. – У меня времени – ни секунды. Иди! Выполняй. И подумай о том, что я тут говорил. Плохо работаете! Очень плохо! Из рук вон плохо. И не надо ничего объяснять! – вновь повысил голос генерал, видя, что Шевчук опять открыл рот и что-то готов выложить. – Меня здесь нет. Я уже десять минут, как в предбаннике Овального кабинета должен быть.

Шевчуку ничего не оставалось, как выскочить из кабинета, так и не сообщив, что его отдел именно делом террористов занимается, а вовсе не делом Панфилова. Панфилов возник в сводке вовсе не как фигурант, а как так называемый «декор-объект» – так обычно называют человека, которого используют в операции без его ведома. Панфилов заявил, что собирается ловить группу террористов, которые, по оперативной информации, собираются устроить теракт в Запрудном. Шевчук, опираясь на разработку аналитиков, решил предоставить Панфилову свободу действий, следить за ним и работать параллельно. Утину он и не собирался докладывать о Панфилове, если бы не строгий приказ показывать все материалы, связанные с терроризмом, ему лично.

«Вот, тоже мне, государственный деятель! – возмутился Шевчук, шагая по длинному лубянского коридору к своему кабинету. – Забыл, наверное, как сам когда-то в операх по Москве гонял. В Кремле его ждут! Подождут! Из Кремля им не видно ни хрена, что в Москве творится. Да и сам Утин полностью ситуацией не владеет. Только наш отдел руку на пульсе города держит... Не выслушал меня даже, скотина! Да ну и хрен с ним! Не хочет быть в курсе дела – не надо! Сделаем так, как считаем нужным. Пусть этот Панфилов на нас поработает. А убрать его мы всегда успеем».

Шевчук вспомнил, как ему доложили о том, что Панфилов вышел на контакт. Через сорок пять секунд после того, как он назвал свою фамилию. Хорошо сработали. Не зря он отдавал строжайшие указания в самом спешном порядке передавать Панфилова в ведение ФСБ, едва будет обнаружена хоть какая-то его активность.

Шевчук хорошо помнил предыдущий разнос, который устроил ему Утин все из-за того же Панфилова, когда тот расправился с людьми Белоцерковского, которых навели на него ребята из отдела Шевчука. Хорошо было задумано, но – не получилось. Кто ж мог предположить, что у Белоцерковского такие лопухи работают. Впрочем...

Были и со стороны ФСБ попытки ликвидировать Панфилова, были. И всегда тому удавалось уйти. И не просто уйти, а оставить после контакта с группой ликвидации пару-тройку трупов на месте проведения операции. Опасный противник этот Панфилов. Так тем более уместно

использовать его в сложившейся ситуации против террористов. Он ведь и в самом деле из Запрудного.

«Как это он на меня сегодня окрысился, когда я спросил, какое ему дело до возможного теракта в Запрудном! – вспомнил Шевчук. – Это, говорит, мой город!» Да, судя по архиву, он в Запрудном пользовался большим авторитетом, пока не пропал неизвестно куда, а потом, через какое-то время, объявился в Москве. Теперь надо плотно ему на хвост сесть и не выпускать ни на минуту. Пожалуй, это дело стоит взять под личный контроль».

Посты наблюдения у дома, в котором жила любовница Панфилова, московская тележурналистка Наталья Сазонова, уже стояли. Шевчук с минуты на минуту ждал сообщения, что Панфилов выбрался, наконец, из своей берлоги и направился в родной город.

В Запрудном уже работала опергруппа, выполняющая срочное задание по обнаружению чеченских террористов, готовящих теракт. Но ничего сделать пока не удалось. Городишко-то вроде небольшой, а вот поди ж ты, невозможным оказалось вычислить среди его жителей хотя бы нескольких подозрительных лиц, которых стоило бы серьезно разрабатывать. Проверены все вновь прибывшие за последние два месяца, ведется постоянный контроль за проживающими в гостиницах, с помощью местной милиции осмотрены все подвальные и чердачные помещения, проведена проверка всех зарегистрированных в Запрудном коммерческих фирм, – и никакого результата. Просто не за что зацепиться.

Шевчук вспомнил, что с руководителем группы, который только вчера докладывал ему о ходе работы, он разговаривал примерно так же, как только что с ним говорил генерал. Шевчук тоже тогда поорал вдоволь. Было за что орать. Ведь, если теракт и в самом деле произойдет, первой полетит именно его голова, поскольку в его обязанности входит оперативный розыск и обезвреживание преступников подобного типа. Хорошо еще, если ограничатся разжалованием. А то и до трибунала дойти может.

«Давай, Панфилов, двигай в свой Запрудный! – подумал Шевчук. – Надежды, конечно, мало, но чем черт не шутит, может, тебе повезет...»

* * *

Константин и в самом деле торопился. Он прекрасно понимал, что времени на поиски террористов у него уже не осталось. Теракт мог произойти каждую минуту, а Иван привез из Чечни слишком неопределенную информацию.

Правда, если речь идет о взрыве, – Иван, кажется, говорил, что подслушал разговор именно о взрыве, – так ведь он требует подготовки, особенно если потребуются большое количество взрывчатки. Ее нужно доставить в Запрудный, надо выбрать объект, на котором будет проведен теракт, надо, в конце концов, заложить взрывчатку, не привлекая ничьего внимания. На все это может уйти достаточно много времени. Но не стоит себя утешать подобными рассуждениями. Это только предположения. Надо ехать на место и искать ублюдков, посягнувших на его город.

Константин понял, что город, в котором прошло его детство, в котором он вырос и стал тем, кем стал, в котором его признали сначала под кличкой Жиган, потом – как серьезного бизнесмена Константина Петровича Панфилова, этот город представляет для него особую ценность. И Константин чувствовал за него ответственность.

* * *

На следующее утро после разговора с майором Тихоновым Наташина «девятка» уже сворачивала с Дмитровского шоссе на Запрудненское. Когда вокруг дороги замелькали знакомые кварталы, у Константина защемило сердце. Здесь он когда-то жил, любил, работал, дрался...

Отсюда он ушел, поняв, что жизнь сложилась совсем не так, как он хотел бы ее прожить, и виноват в этом только он сам. Теперь возвращался и чувствовал, что он стал совсем другим. Да он и в самом деле стал совсем другим, даже внешне. Пластическая операция сделала его неузнаваемым. И это, пожалуй, к лучшему. Тот, кто ему нужен, узнает его в любом случае, а слишком большое внимание Константину ни к чему. Это может только повредить делу.

Панфилов возвращался в Запрудный коммерсантом. В одной из контор, которых в Москве понатыкано, как в лесу поганок после дождя – «Регистрация фирм за один день», Константин зарегистрировал частное предприятие по оптовой торговле продуктами и бытовой техникой и теперь вправе был открыть в Запрудном свой, например, магазин. Впрочем, дело это достаточно хлопотное, да Константин и не собирался открывать магазин.

Попав в Запрудный, он начал поиски помещения для склада, а не для магазина. Складское помещение оказалось найти гораздо легче. И ремонта в нем никакого не требовалось. Требовалось прикрытие для выполнения той задачи, которую он перед собой поставил. Склад и обеспечивал такое прикрытие. А что? Прибыл в город коммерсант, хочет обосноваться тут, открыть свой магазин, заняться бизнесом. А пока оформляет всякие бумажки, торговое оборудование покупает, товарами запасается. Ни у кого никаких подозрений в том, что он приехал совсем для других дел, возникнуть не должно.

Помещение Константин снял в том самом пансионате, где когда-то произошла разборка у запрудненской братвы с фокинской. Обветшалый и дышащий на ладан пансионат выкупила у бывших хозяев фирма «Гермес», владеющая сетью магазинов в Подмосковье, отремонтировала для себя одно из зданий, выбросив из него все, что можно было, оставив только несущие стены, напичкала его современной складской техникой и устроила там свой кустовой склад. В остальных помещениях был проведен косметический ремонт, их привели в божеский вид и предложили желающим арендовать по не слишком дорогой цене.

В сопровождении менеджера Константин походил по пансионату, посмотрел все, что ему предлагали, и выбрал объемистый пансионатский гараж, который по прямому назначению не использовался, поскольку находился слишком далеко, по мнению владельцев «Гермеса», от кустового склада и метрах в семистах от главного здания фирмы. Не пожалевшая средств фирма построила для своего склада современный терминал и часть помещения выделила под стоянку и техобслуживание собственных машин. Старый гараж оказался им не нужен. Его-то Константин и арендовал.

У того же «Гермеса» Константин приобрел по оптовым ценам партию продуктов питания длительного хранения, дипломатично заявив, что в условиях жесткой конкуренции со столь серьезной фирмой, как «Гермес», предпочитает за лучшее заняться розничной торговлей, которую в Запрудном нельзя было назвать оживленной.

Гермесовские грузчики за час перетащили коробки с консервами, сигаретами, конфетами, ящики с водкой и упаковки с кофе и чаем из кустового склада в бывший гараж, а Константин повесил на нем большой амбарный замок и облегченно вздохнул. Первый этап операции – обеспечение легенды, был фактически завершен.

Константин получил возможность под вполне обоснованным предлогом ездить по городу, разговаривать с людьми, устанавливать контакты и собирать информацию. Все это выглядело как изучение рынка, определение преимущественного спроса и покупательской способности населения. В то же время у него была теперь возможность организовать на своем складе что-то вроде базы, где можно при необходимости хранить оружие, встречаться с людьми в конфиденциальной обстановке и вообще – расположиться.

Наташу он сразу же отправил снимать квартиру в Запрудном, чтобы его образ жизни полностью соответствовал стандарту. Иван должен был действовать самостоятельно, никак не показывать своего знакомства с Константином, и выходить на контакт с ним только в крайних случаях – когда нужно срочно передать важную информацию.

А сам Константин отправился навестить своих старых знакомых.

Он хорошо помнил, что в те времена, когда его имя гремело в Запрудном, чеченская группировка была одной из самых сильных в городе. Чеченцы в Запрудном занимались официально бензином, неофициально – оружием и наркотиками. Они постоянно давили на конкурентов и пытались их вытеснить. Разборки возникали часто, порой переходили в откровенные военные действия, что создавало большие проблемы у запрудненской милиции и прокуратуры. Позже чеченцы поутихли, оставили бензиновый рынок и сосредоточились исключительно на наркоте и фальшивых долларах. Но с тех пор прошло немало времени, и Константин просто не знал теперь, есть ли вообще чеченцы в Запрудном.

Прежде всего Константин отправился на базар. Он хорошо знал, что каждая группировка прикрывает своих земляков на запрудненском базаре, и если найдет там хоть одного чеченца, это значит, что группировка жива и продолжает действовать. Если уж начинать сбор информации о чеченских боевиках, так именно с этого конца.

Базар мало изменился с тех пор, как Константин побывал на нем в последний раз. Та же бессмысленная на первый взгляд толкучка, те же покупатели, которые больше рассматривают и пробуют, чем покупают, те же вечно голодные глаза торговцев, которые считают, что день прошел неудачно, если у них не раскупили весь товар.

– Эй, дорогой, подходи, что стоишь! – окликнул его смуглый небритый продавец, перед которым горками возвышались на прилавке апельсины, гранаты, груши и персики. – Купи своей дэвущке лакомство! Савсэм дешево отдаю, только для тебя.

Константин подошел. Продавец не был похож на чеченца. Он скорее родом из Азербайджана.

– Откуда персики-то? – спросил Константин. – Издалека привез?

– Зачём, слушай, издалека? – удивился продавец. – С родины! Попробуй, какой сладкий пёрсик! Пакупай, не пожалеешь!

Константин взвесил на руке огромный, тяжелый, покрытый нежным, прозрачным пушком желто-розово-лиловый персик. Продавца, пожалуй, стоило расположить к себе. Да и Наташу порадовать надо, она из фруктов больше всего любит яблоки и персики.

– Персики у тебя и в самом деле знатные! – искренне сказал Константин.

– Э-э, слушай! Такой пёрсик нигдэ больше нэт! – расцвел продавец. – Сам бы кушал, но нэ могу – дэньги нада! Тебе продаю!

– Взвесь-ка мне штук пятнадцать, – сказал Константин. – Но, смотри, брат, если не сладкие – назад принесу, сам есть будешь...

– Зачём обижаешь, слушай? – возмутился продавец. – Такой пёрсик мой отец растил! Такой пёрсик мой дед растил. У них сладкий был, да? Зачем у меня – не сладкий? Бери – пробуй любой – хоть один нэ сладкий найдешь, я брошу все, поеду домой – сад вырубать!

– Ладно, не горячись! – усмехнулся Константин. – Какой вы народ нервный! Прямо не тронь! Старый Керим тоже такой горячий был – слово ему не скажи, сразу за кинжал хватался... Только что-то не вижу я его здесь. Давно в ваших краях не был. Домой, что ли, Керим уехал, в Ширванскую долину?

– Ты Керим знал? – переспросил его удивленный продавец, выстраивая на весах пирамиду из персиков. – Аллах забрал старого Керима к себе. У него пёрсик лучше был, чем этот! А вот жизнь у Керима – плохой был. И смерть плохой. Пуля в живот попал. Здэсь и умер, прямо с пёрсиками. Хороший человек был Керим, а смерть у него плохой был!

– Подожди-подожди, – перебил его Константин. – Так его убили? Прямо здесь, на базаре? Кто же на старика руку поднял?

– Э-э, слушай! – махнул рукой продавец. – Они не разбирали, кто старый, кто нет. Вон там...

Он показал рукой на крышу возвышающегося над базаром здания крытого зимнего павильона.

– Там автомат стрелял, – продолжил он. – Просто стрелял. В людей. Чтоб боялись. Чтоб базар пустой был. Керим убил, Али убил, Муслим убил...

– Кто убил? – спросил Константин. – Кто с крыши стрелял-то?

– Малгобек! – веско и сурово сказал продавец. – Его братьев с базара папрасыли...

Продавец сделал ладонями движение, словно отряхивал с них воду.

– Он хотэл отомстить. Много дэнэг патерял! – закончил пояснения продавец.

– Малгобек, значит? – сказал Константин. – Так-так. И что же? Он теперь над базаром?

Продавец прекрасно понял, о чем спрашивает Константин. Обычно о таких вещах не спрашивают, тем более – у торговцев. Торговцы – люди тихие, их любой обидеть может. Но с прилавка в сумку Константина переключались пять килограммов отборных и весьма не дешевых персиков, которые уже три дня никто не покупал, и продавец был очень расположен к покупателю, принесшему ему удачу.

– Ты что, дорогой! – сказал он, понизив голос и слегка наклонившись к Константину. – Малгобек совсем нэт. Базар совсем наш стал. Над ним уважаемый Рахман Азим-заде. Малгобек совсем ушел. Гашиш на базаре теперь нэт. Оружия на базаре теперь нэт. Теперь в Москву ездят. Уважаемый Рахман Азим-заде такими делами нэ занимается.

Малгобека Константин помнил, – юный и верткий, вечно ходил в «шестерках» в чеченской группировке, виртуозно шельмовал в очко и отличался неконтролируемой жестокостью в разборках, – хватался за ствол прежде, чем успевал сказать слово.

Долго же Константина не было в Запрудном, если такое дерьмо успело не только наверх подняться, но и пропасть куда-то с глаз долой.

– Тебя-то, брат, как зовут? – спросил Константин продавца.

– Э-э, дорогой! Ты за моего сына все равно свою дочь не отдашь! – усмехнулся продавец. – Называй меня – «тот, у кого вкусные персики».

Константин в ответ улыбнулся.

– Ну, как знаешь, – ответил он. – А только надо мне вашего уважаемого Рахмана повидавать. Азим-заде который. Дело к нему есть, не подскажешь, как найти его?

– Дело есть дело. Пачему не сказать? «Золотой дукат» знаешь? – спросил Константина «тот, у кого вкусные персики».

Константин кивнул. Еще бы ему не знать казино «Золотой дукат», когда он сам его и открывал в Запрудном. Когда-то это казино принадлежало именно ему, Константину Панфилову.

– Там ресторан есть, – продолжал азербайджанец. – Найдешь его очень просто – положи этот пэрсик на стол. Он сам к тебе подойдет.

– Спасибо тебе, брат, – сказал Константин. – Удачи тебе.

– Э-э, дарагой! – широко заулыбался в ответ продавец. – Нэ надо никакой удачи! Надо еще один такой покупатель, как ты.

Нагруженный персиками Константин отправился в ресторан «Золотой дукат». Он вспомнил, сколько забот и проблем было связано с его открытием, и что-то похожее на ревность кольнуло его сердце. Когда он уезжал в Дагестан, чтобы отомстить за зверски убитого бандитами брата, управлять рестораном он оставил Леню Мурашко, человека смышленного...

Путешествие Константина оказалось долгим. В Запрудный он в итоге решил не возвращаться. А позже узнал, что ресторан кто-то прибрал к рукам. Это было по-житейски понятно: все, что остается без хозяина, переходит в конце концов в другие руки, а ресторан и казино давали неплохой доход.

Константин почувствовал обиду не из-за денег. От этих денег он отказался сам, совершенно осознанно, без всякого давления со стороны. Но все это он сделал своими руками, при-

ложил к этому свою энергию. В его сегодняшней обиде было что-то от самолюбия автора, оскорбленного откровенным плагиатом.

Наверное, так возвращалось к нему его прошлое. Не формально возвращалось, показываясь на глаза и не затрагивая душу, а именно так, как только и может возвращаться на самом деле, – эмоционально.

«Пожалуй, это и есть самое трудное, что поджидает человека, когда оживает то, что он считал умершим, что давно похоронил», – подумал Константин.

Странное чувство он испытал, когда входил в «Золотой дукат» не хозяином, а гостем, клиентом. В этом качестве он еще ни разу тут не появлялся. Как будто во сне попадаешь в незнакомое место и понимаешь, что все здесь знаешь, хотя уверен, что никогда раньше там не бывал. Кажется, у французов есть выражение, передающее это ощущение, – «де жа вю». Впрочем, во французском Константин не был силен.

Он был силен в уверенности в своей правоте. Он принимал решение раз и навсегда и потом уже не мучился сомнениями. Он просто делал дело, если считал, что это дело – правое. Это были «понятия», которым его не учили, он с этим родился. Как бы жизнь его ни ломала и ни била, в глубине души Константин оставался романтиком, верил, что правда и добро победят, как бы ни были сильны ложь и зло.

Сам он был сильным и считал, что его сила принадлежит не только ему одному. Она принадлежит еще и тысячам слабых, которые не могут постоять за себя. Вот за них, за этих слабых и убогих, и дрался всю жизнь Константин.

Дрался с теми, для кого жизнь не стоит ровно ничего, кто может расстреливать из автомата ни в чем не повинных людей, как расстреляли на базаре старого Керима и других торговцев. К таким гадам, как Малгобек, испытывал Константин ненависть.

«Нет, врите! – думал Константин, и зубы его сжимались, а на щеках начинали ходить желваки. – Этот номер у вас не пройдет! Я не могу уничтожить вас всех, но я могу защитить свой родной город от этой мрази! Я найду вас и уничтожу!»

Глава 4

Объемистую сумку, доверху нагруженную персиками, Константин сдал в гардероб, но выбрал один, самый большой, и прошел в зал ресторана.

Он поразился тому, что в ресторане практически ничего не изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Леня Мурашко не позаботился даже о том, чтобы поменять столики, хотя с первого взгляда видно было, что они давно просят замены. Или прибыль не позволяла, или ничего, кроме прибыли, нынешнего хозяина не интересовало.

Впрочем, Константин был не прав, решив, что ничего в ресторане не изменилось. Изменилась прежде всего атмосфера. «Золотой дукат» уже не был похож на место, где можно отдохнуть и развлечься, как было при Константине. Теперь в нем напивались, заливали водкой проигрыши в рулетку и прочие неприятности, выясняли отношения, причем не только на словах, но и при помощи кулаков. Константин сразу же отметил три компании, которые вели себя слишком шумно и развязно. Они явно мешали всем остальным, но никто не смел сделать им замечание.

По подчеркнuto подобострастной походке, которой спешили официанты к одному из столиков, Константин понял, что за ним сидит не просто пьяная компания, скорее всего это были люди, от которых персонал ресторана зависел. Вариантов немного – это или хозяйева, или «крыша». Константин остановился на втором предположении, выбрал столик у окна, сел и положил на середину персик.

Официант обратил на него свое рассеянное внимание минут через десять.

– Со своими фруктами нельзя! – заявил он, небрежно швырнув на столик перед Константином меню в потрепанной толстой кожаной папке. Очевидно, по его меркам, Константин не относился к той категории клиентов, которые оставляют большие чаевые, и выглядел слишком трезвым.

– Пошел вон! – ответил ему Константин, но когда тот, выгнув по-гусиному грудь, направился в сторону бара, крикнул: – Стой! Бутылку коньяка, самого лучшего. Ровно через тридцать секунд. За каждую секунду опоздания буду по доллару вычитать из чаевых.

Официанта как ветром сдуло. Константин не смотрел на часы, он был уверен, что официант уложится в отведенное ему время. Это такой народ, свою выгоду понимает за доли секунды.

Он не успел достать сигарету из пачки, как перед ним уже стояла бутылка коньяка, а официант застыл в выжидательном полупоклоне.

Константин посмотрел на бутылку.

«Коньяк азербайджанский. „Апшерон“. Бакинский коньячный завод».

– А что, кроме этого пошла, ничего больше нет? – поморщился Константин.

– Не держим-с, – заискивающе улыбнулся официант. – Это наш фирменный.

– И что же у вас тут за фирма? – спросил его Константин. – Лаврушники, что ли?

Официант побледнел, потому что Константин говорил довольно громко. Повернувшись к нему боком, официант слегка нагнулся, скосил глаза на шумный столик, к которому официанты проявляли особое внимание, и сказал полупшепотом:

– Коньяк поставляет Рахман...

– Уважаемый Азим-заде? – спросил Константин. – Раз так, надо ему высказать свое уважение. Отнеси-ка за их столик эту бутылку и этот персик. Если спросят, скажешь, что от меня.

Официант подхватил бутылку и персик и понес шумной компании.

Константин видел, как он поставил коньяк на столик четверки азербайджанцев и как полный усатый мужчина что-то небрежно спросил у него, потом поднялся и направился к столику Константина, хотя до этого даже не взглянул в его сторону.

«А он, видно, меня давно уже заприметил, – подумал Константин. – Интересно, при чем тут персик? Пароль у них такой, что ли? Конspirаторы хреновы...»

Усатый подошел к его столику и, не дожидаясь приглашения, сел напротив Константина.

– Хозяина не принято угощать тем, что принадлежит ему, – сказал азербайджанец на чистом русском языке без малейшего акцента. – Я могу тебя наказать за то, что ты не знаешь наших законов. Но я тебя прощаю, у меня сегодня хорошее настроение. Мне передали, что у тебя ко мне есть дело. Говори, только коротко.

Константин слегка кивнул. Он обвел глазами зал ресторана.

– Что-то я тебя, Рахман, не помню, хотя прежде знал здесь каждую собаку, – сказал Константин, насчитав в зале троих охранников-азербайджанцев. Они выделялись хмурой сосредоточенностью во взгляде и пили апельсиновый сок, хотя и сидели в разных местах зала, – один у входа, другой на высоком табурете у стойки бара, а третий обосновался у прохода, ведущего из зала ресторана в казино.

Азербайджанец вскинул на Константина густые брови. Теперь он смотрел на него не снисходительно, а изучающе. Константин не заметил, чтобы он сделал какой-либо знак своим людям, но охранник, расположившийся у стойки, напрягся, словно приготовившись к прыжку.

«По движению усов друг друга понимают, – усмехнулся про себя Константин. – Против меня сейчас предпринимать ничего не будут, не понимают, кто я, боятся нарваться на слишком серьезного человека. Сейчас начнет выяснять, имею ли я основания разговаривать с ним так независимо, кто я такой и откуда».

– Ты знаешь мое имя, – сказал Рахман, – но блеешь, как молодой горный козел, который забрался на вершину горы и думает, что он теперь самый высокий. Я умею делать вкусный шашлык из таких козлов.

Легкий кавказский акцент, появившийся у Рахмана, подсказал Константину, что тот нервничает. Ситуация была ему не совсем понятна. Константин изучал его, пытаясь понять, что он из себя представляет и насколько уверенно чувствует себя в городе. Поняв это, можно было разобраться и в той роли, которую играет сегодня азербайджанская группировка в Запрудном.

Хотя главной целью Константина были чеченцы, а не азербайджанцы, но он не знал не только, где их искать, но и остался ли кто-нибудь из них в Запрудном вообще после разборок, о которых вкратце рассказали ему на базаре.

– Прежде чем пробовать шашлык, – усмехнулся Константин, показывая, что не принимает на свой счет слова, сказанные Рахманом, – я всегда разговариваю с человеком, который его приготовил. Я сам шашлык готовлю неплохо, но, честно говоря, надоело торчать у очага и ворочать шампуры. Предпочитаю ходить в ресторан и пить хороший коньяк.

Константин подчеркнул последние два слова.

Рахман выслушал его молча и никак не реагировал секунд тридцать, наверное. Он был человеком умеренным, больше расположенным к почти легальной контрабанде, которую считал главным источником своих доходов.

«Гашиш на базаре нэт», – вспомнил Константин. – Да еще и коньяк дерьмовый он сюда поставляет, наверняка в этом коньяке больше заварки и ослиной мочи, чем коньячного спирта. Да и персики, и вообще фрукты на базаре – тоже его. Рахман человек мирный, поэтому и на высоких тонах разговор начинает, не умеет серьезно разговаривать, не привык, не за свою роль взялся. Купец он, а не бандит. Потому и зовут его «уважаемый». Ни одного серьезного бандита так называть не будут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.